

«Панталоне» и «Коломбина» в Стране Советов: визит Б. Шоу и Н. Астор в СССР в 1931 г.

© 2024, Ю.А. Скальная

МГУ имени М.В. Ломоносова,

ВУ имени князя Александра Невского МО РФ

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: Исследование посвящено знаковому визиту ирландского драматурга Бернарда Шоу и члена британского парламента леди Нэнси Астор в СССР в 1931 г. Однако оно стремится уйти от шаблонного изложения общеизвестных фактов их пребывания в Стране Советов и предлагает сосредоточиться на ранее не известных обстоятельствах подготовки этой поездки представителями НКВД и дипмиссии СССР в Лондоне, а также информационном противостоянии, порожденном данным визитом в советской и зарубежной прессе. Новизна исследования обусловлена привлечением большого количества архивных материалов (АВП РФ, РГАЛИ), а также не переведенной на русский язык частной переписки Шоу и дневников его подруги Беатрис Уэбб. Методологической основой работы служат биографический и культурно-исторический подход; используются нарративный метод при воссоздании исторического фона визита Шоу, метод контент-анализа при работе с публикациями в СМИ. По итогам рассмотрения комплекса этих документов становится очевидно, что, несмотря на живой интерес Шоу к России, его визит носил скорее стихийный характер, что в совокупности с непредсказуемым поведением его спутницы леди Астор не раз ставило советскую сторону в затруднительное положение. Тем не менее, разнообразие предложенной британской делегации программы, а также удовлетворение как разумных запросов, так и прихотей драматурга, в совокупности произвели на компанию благоприятное впечатление, способствуя появлению положительных отзывов о посещении СССР со стороны спутников Шоу и восторженных комментариев от самого драматурга. В результате победа «мягкой силы» Советов спровоцировала волну публикаций в британских СМИ, призванных дискредитировать Шоу и леди Астор как центральные фигуры поездки. Однако нельзя сказать, что на тот момент они нанесли существенный ущерб их репутации или повлияли на взгляды Шоу и Астор на СССР.

Ключевые слова: Бернард Шоу, Нэнси Астор, западно-советские литературные и культурные контакты, НКВД, секретариат М.М. Литвинова, информационная война.

Информация об авторе: Скальная Юлия Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 119991, г. Москва, Россия; доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, ул. Б. Садовая, 14, 123001, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6330-6793>

E-mail: julycat@mail.ru

Для цитирования: Скальная Ю.А. «Панталоне» и «Коломбина» в Стране Советов: визит Б. Шоу и Н. Астор в СССР в 1931 г. // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 292–319. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-292-319>

Ирландский драматург, остролов, полемист, театральный и музыкальный критик, член Фабианского общества, убежденный социалист и коммунист, женившийся на ирландской миллионерше Шарлотте Пейн-Таунсенд (не столько по своей воле, сколько под напором неумолимой женской энергетике), — Бернард Шоу был фигурой разносторонней и противоречивой. Его любовь к поэтике контрастов и знание законов театра, согласно которым, без конфликта не бывает действия, не только завоевали сердца множества поклонников его литературного таланта и единомышленников в социально-политической сфере, но и неизбежным образом привлекли к его персоне внимание откровенно враждебно настроенных критиков.

Пока речь шла о реформе английского театра, за которую ратовал Шоу, ему удавалось изящно и остроумно отбивать удары и предупреждать нападки недоброжелателей в пространных предисловиях и послесловиях к своим драмам; при помощи произведений, написанных непосредственно против ограниченного мышления консервативных театралов (например, «Первая пьеса Фанни» — *Fanny's First Play*, 1911); а также благодаря открытым письмам в печати и в целом значительной доле самоиронии. Однако когда Шоу стал энергично ратовать за изменение взглядов британцев на Советскую Россию, ему пришлось противостоять не только консерваторам от искусства, но и всему консервативному правительству Британии во главе с Уинстоном Черчиллем.

Визит Шоу в составе британской делегации в СССР в 1931 г. — событие известное и часто упоминаемое как в научных работах (биографами писателя [4; 8; 11; 13, vol. 3; 16], историками литературы [9; 14; 20; 21], историографами [6; 12; 19]), так и в различных электронных медиа — будь то качественная пресса¹, частные блоги или же издания, носящие таблоидный характер. Тем не менее, подавляющее большинство подобных публикаций оперирует ставшим стандартным набором фактов, списком мест, которые он посетил, расхожими цитатами из многочисленных интервью, данных писателем по возвращении на родину, общими утверждениями, сводящимися к «слепоте» Шоу в отношении недостатков советской системы, его симпатии к В.И. Ленину и И.В. Сталину. Именно поэтому данная сторона вопроса интересует нас в меньшей степени, а основное внимание в статье мы уделим закулисной подготовке визита писателя в СССР и той медийной войне, которая разразилась в советской и зарубежной печати вокруг него.

1.

Когда в 1917 г. в России произошел Октябрьский переворот и Запад с напряженным вниманием наблюдал за дальнейшим развитием событий, британские власти приложили все усилия для того, чтобы пресечь распространение революционных идей в Соединенном Королевстве — особенно на фоне подавленного Пасхального восстания 1916 г. в Ирландии и последовавшей за ним ирландской войны за независимость 1919–1921 гг., а также общей внутренней ослабленности Великобритании по итогам Первой мировой войны. В этих условиях консервативные печатные издания стали главной площадкой для осуждения действий большевиков и трансляции антисоветских настроений.

Чтобы проиллюстрировать позицию и основной вектор приложения усилий консерваторов, профессор Д. Лейн в статье «Восприятие русской Октябрьской революции в Великобритании» цитирует один из архивных документов британского Министерства иностранных дел: Уинстон Черчилль направил « всю свою бурную энергию и <политический> гений на организацию вооруженной интервенции против России» [15]. В 1919 г. тезис Черчилля: «Из всех тираний в истории тирания большевиков является самой ужасной, самой разрушительной, самой унижительной. И притворяться, что она чем-то лучше немецкого милитаризма, — полнейший вздор» [15] —

¹ Например: *Weintraub S. GBS and the Despots // The Times Literary Supplement. 2011. 22 August. P. 1–9.*

стал основой, на которой строилась не только объективная критика большевизма, но и самые невероятные измышления о зверствах советского режима.

Риторика Черчилля кардинально изменится во время Второй мировой войны, когда русские станут «великими союзниками» Соединенного Королевства в борьбе против фашизма (о чем премьер-министр упомянет даже в обращенной к британскому народу речи 8 мая 1845 г.). Однако до этого, как заметит Шоу в интервью 1939 г., пройдет двадцать лет, в течение которых «мы <англичане> боролись с Советским Союзом и рисовали его чернильными красками»².

На протяжении всего этого времени сам Шоу неизменно стоял на позиции, шедшей вразрез с официальной пропагандой и, напротив, приветствовал русскую революцию как конец тирании династии Романовых, а предпринятый Лениным «социальный эксперимент» — как надежду для мира изжившего себя капитализма на перерождение и сохранение цивилизации.

Еще до революции, полемизируя с собратом по перу и Фабианскому обществу Гербертом Уэллсом в печати, Шоу писал: «Гогенцоллерны, как и Романовы, подобны синильной кислоте, но Гогенцоллерны были укрощены социальной демократией, Французской революцией и Наполеоном, в то время как Романовы не допустили революцию в свои границы, победили Наполеона, а когда наконец столкнулись с бомбами и террористами, обнаружили, что их авторитет, как замечает мистер Уэллс, от этого лишь укрепился, а вовсе не ослаб». Заканчивалось обращение Шоу к широкой общественности фразой: «Наше наилучшее пожелание России — избавиться от русских царей, так же как мы желаем Германии избавиться от прусской гегемонии»³.

Поэтому, когда в 1917 г. это желание осуществилось, Шоу от души приветствовал перемены в России как в частной переписке, так и в публичных лекциях. И много позже в предисловии к изданию «Фабианских эссе» (*Fabian Essays*) 1931 г. он не изменил своему мнению, назвав русскую революцию «самым благотворным (beneficent) событием, несмотря на отдельные ужасные эпизоды, которые сопровождают все слишком долго откладываемые революции» [10, p. 264].

Однако именно Уэллс первым совершил поездку в Советский Союз, где получил весьма неоднозначные впечатления, отразившие-

² Интервью было напечатано в шведской газете «Ny Dag» 5 сентября 1939 г. Цит. по рус. пер.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 188. Л. 2.

³ Daily Chronicle. 23 December, 1914. P. 3.

ся в знаменитом травелоге «Россия во мгле» (*Russia in the Shadows*, 1921). Разумеется, что официальных лиц Великобритании критика Уэллсом состояния постреволюционной России вполне устраивала, хоть писатель и не был готов полностью возлагать ответственность за текущее положение вещей на большевиков:

...я старался изложить свои впечатления от происходящего в России — стране, где цивилизация, не имевшая достаточно глубоких корней, благодаря бездарному царскому правительству, невежественности и, наконец, изнурительной шестилетней войне пришла в окончательный упадок. Я рассказал о безнадежном состоянии науки и искусства, о почти полном исчезновении жизненных благ и удобств. Надо сказать, что <...> если бы Англии пришлось вынести еще четыре года войны, почти то же самое происходило бы и в Лондоне. <...> Большевистское правительство не несет ответственности ни за то, что эти бедствия произошли, ни за то, что они продолжаются [3, с. 51].

Более того, Уэллс по достоинству оценивал усилия большевиков по сохранению целостности государства и отражению внешних нападок:

Я не разделяю их убеждений, мне смешон их пророк Маркс, но я понимаю и уважаю их стремления <...> Почти все их силы поглощены глубоко патриотической борьбой с нападениями, вторжениями, блокадой и всякого рода другими бедствиями, которые западные державы с жестоким упорством обрушивают на потрясенную трагической катастрофой страну. Остаток сил уходит у них на то, чтобы спасти Россию от голодной смерти и установить какой-то общественный порядок среди всеобщего развала. Я уже говорил, что большевики исключительно неопытны как государственные деятели <...> история не знала еще такого дилетантского правительства. <...> Но их, а следовательно, и Россию спасает одно — их коммунистические убеждения [3, с. 51–52].

Что касалось Шоу, на все нелестные наблюдения из книги Уэллса о социальном эксперименте, предпринятом Лениным, он реагировал весьма спокойно, подчеркивая, что Уэллс совершил свой вояж слишком рано. Действительно, как признавал и сам Уэллс, сложно было ожидать процветания и порядка в стране, только что пережившей революцию, гражданскую войну и в целом коллапс всей социальной

инфраструктуры. Необходимо было время, и Шоу терпеливо ждал. Даже когда начали появляться первые положительные опыты путешествий по РСФСР, он сам не торопился собираться в дальний путь. Тем не менее драматург внимательно изучал книги и очерки современных путешественников, стремясь вывести из разношерстных свидетельств объективную картину.

Именно объективность в отношении советского строя (а не его положительная оценка) была принципиальна для Шоу, о чем свидетельствует и его письмо к бельгийскому дипломату, профессору Эдинбургского университета и автору ряда книг о политической и культурной истории России Шарлю Саролеа в 1922 г.:

Возможно, московскому правительству подлинно независимые наблюдатели не больше по вкусу, чем всяким другим правительствам. Вы воспитаны в традициях благородной школы космополитического либерализма, а не в традициях доктринерского марксизма. Но именно по этой причине, как я надеюсь, Вам и разрешат приехать в Россию и своими глазами увидеть все, что Вы хотите там увидеть. Если не считать документов, являющихся фактически официальными публикациями, мы здесь не получаем о России никаких сведений, кроме возмутительного реакционного вздора вроде того, что цитирует Черчилль, с одной стороны, и таких благостных описаний прелестей коммунизма, что невозможно поверить в их правдивость, — с другой. Мы хотим что-нибудь узнать от умелого наблюдателя и опытного писателя, который не является ни фанатичным коммунистом, ни скандализованным буржуа и который, помимо того, занимая высокое положение в обществе и научных кругах и имея прочную литературную репутацию, может обеспечить для своей публикации заметное место в капиталистической прессе, без чего у нас невозможна подлинно широкая огласка.

Я тут не упускаю случая выступить в защиту советского режима, но мое влияние существенно подрывает тот факт, что я открытый сторонник коммунизма с репутацией фрондера и человека эксцентричных взглядов; убежден, что Ваш отчет⁴, каким бы он ни был критическим, помог бы внести ясность [5, с. 348].

Но неумолимо приближавшаяся старость, а также политическое и культурное любопытство заставили драматурга летом 1931 г. при-

---

⁴ Свой «отчет» Саролеа действительно представил — в виде книги «Впечатления от советской России» (*Impressions of Soviet Russia*), которая была опубликована в 1924 г.

ехать в Советский Союз лично, приурочив визит к празднованию своего 75-летия.

2.

Судя по частной переписке Шоу, решение о поездке носило довольно спонтанный характер. В письме к англо-ирландскому писателю и политическому деятелю Горацию Планкетту от 16 июля 1931 г. читаем:

Я отправляюсь в Москву в субботу и ожидаю прибыть туда во вторник, если только меня не остановит революция в Берлине. Визит будет недолгим; я вернусь к <родным> берегам 2 августа: в том случае, если Советы не отправят меня в противоположном направлении в Сибирь. То, что я еду, до некоторой степени случайность: Асторы внезапно забрали себе в голову лично удостовериться в том, правда ли Россия такой рай земной, каким я ее объявил; и они бросили мне вызов, предложив отправиться вместе с ними. Я, с учетом моего возраста, почувствовал, что если не воспользуюсь этой возможностью сейчас, то рискую никогда не увидеть Россию вовсе; так что я согласился [17, vol. 4, p. 242]⁵.

В советском посольстве в Лондоне спонтанность сборов и разношерстность подобравшейся компании (помимо Шоу в поездке должны были принять участие лорд и леди Асторы, либеральный член палаты лордов маркиз Лотиан, а также корреспондент и местный глава Центра христианской науки Теннант) спровоцировали некоторый ажиотаж. Глава НКИД М.М. Литвинов ратовал за приезд Шоу как давнего друга страны Советов, однако его совершенно не устраивала кандидатура леди Нэнси Астор в качестве сопровождающей.

Леди Астор — американка и первая женщина в британском парламенте — не только обладала внутренним стержнем, благодаря которому успешно отстаивала свою позицию перед консервативно настроенными мужчинами в палате лордов, но и великолепно владела искусством провокации, которое часто выводило из себя ее оппонентов. Острый язык, непредсказуемость и бескомпромиссность во взглядах леди Нэнси, а также ее крайний скепсис (если не открытая враждебность) к коммунистическому строю делали ее персоной *non grata* для советских властей.

---

⁵ Здесь и далее цитаты из личной переписки Шоу приводятся в нашем переводе.

В секретном послании полпреду СССР в Великобритании Г.Я. Сокольникову от 26 апреля 1931 г. Литвинов пишет:

Мы вообще считаем эту крайне реакционную, взбалмошную леди Астор нежелательной гостьей в СССР. Мы могли бы отвести ее хотя бы ссылкой на известное ее предложение о посылке в СССР на свой счет английских рабочих, желающих ознакомиться с «ужасной жизнью в СССР»⁶. Это предложение носило явно пропагандистский анти-советский характер. Но, помимо этого, меньше всего было бы желательно нам встречать здесь Б. Шоу в подобном окружении. Мы готовы были бы оказать Шоу самый сердечный прием, но мы никак не можем распространить своих любезностей также и на леди Астор. Установить же различное отношение к членам одной и той же группы, притом еще столь малочисленной, значило бы оскорблять всю группу, чего мы тоже не хотели бы.

Необходимо полпредству со своей стороны принять все меры к тому, чтобы Б. Шоу либо приехал один (с женой, конечно), либо же в окружении, более приемлемом для нас. Можно найти подходящих посредников, которые шепнули бы ему о нашем отношении к леди Астор⁷.

Однако в секретном письме первому замнаркома Н.Н. Крестинскому Сокольников сообщил о полной невозможности исключить леди Астор из группы, так как это испортит отношения с Шоу

⁶ Речь идет о весьма интересном эпизоде, описанном М. Коллизом в XIV главе «неформальной» биографии Н. Астор. В 1925 г. во время визита в Дарем, где многие оставшиеся без работы шахтеры открыто выражали свое недовольство политикой британских властей, противопоставляя ее советскому строю, находчивая леди Нэнси заявила, что если среди них найдется тот, кто верит, что Россия — рай на земле, и действительно готов прожить под властью большевиков два года, она сама оплатит ему переезд в Россию. Рассчитывая на то, что данный вызов никто не примет, леди Астор была весьма удивлена, когда получила тридцать заявок на подобную авантюру. Тем не менее она сдержала слово. Выбрав из претендентов ливерпульца по фамилии Мортон, она оплатила расходы на переезд не только ему, но и его семье. Однако поставила условие, что на обратную дорогу он должен будет заработать сам. Вокруг отъезда Мортон в Советский Союз британская пресса подняла большую шумиху и, когда спустя полгода пребывания там, было опубликовано интервью с Мртоном, заявившим, что он никогда не был так счастлив и что в России гораздо лучше, чем в Англии, в одном из заголовков его назвали «человеком, раскрывшим блеф леди Астор». Однако, по замечанию Коллиза, финал у этой истории был не столь счастливый: сам Мортон умер примерно год спустя, а его вдова долго не могла вернуться на родину. Когда же это произошло, леди Астор лично навестила ее, чтобы узнать подробности пребывания Мртонов в коммунистическом раю, и оказалось, что женщине пришлось претерпеть немало страданий, так что «в итоге леди Астор оказалась права» [7, р. 161–165].

⁷ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 7. Д. 020/Ан. (27312). Л. 17.

и может даже привести к потере такого верного идеологического союзника. Советский полпред подчеркивал, что несмотря на эксцентричный характер леди Нэнси, она тем не менее была одним из двух членов парламента, которые в тот кризисный для англо-советских отношений период голосовали за возобновление дипломатического взаимодействия с СССР (вторым был Роберт Бутби). И в целом как раз тандем Шоу и Астор, по мнению Сокольников, должен был вносить известное равновесие в публичные выступления представительницы британского истеблишмента: «...ее участие в поездке вместе с Б. Шоу само по себе дает известную гарантию того, что, вернувшись, она будет держать себя во всяком случае прилично»⁸.

Надо сказать, что позиция Сокольников по данному вопросу в дальнейшем себя оправдала. И пока Нэнси заботилась о пожилым драматурге вместо оставшейся в Лондоне жены Шоу — Шарлотты, он сглаживал острые углы ее поведения при помощи неисчерпаемого юмора и искренних похвал советскому народу и властям за их достижения. Опубликованное в «Вечерней Москве» рабкором И. Шагальвым подробное изложение визита высоких гостей на «Электрозавод» (запущен в 1928 г.) дает яркий тому пример. Если «с Бернардом Шоу электрозаводцы сразу стали приятелями», то

...туристка леди Астор также загорелась желанием высказаться. Но она не смогла ничего сказать лучшего, как преподать электрозаводцам несколько правил «умеренности».

— У вас есть успехи, это правда. Но у вас много гордости, слишком много гордости, — заявила она с платформы, исполнявшей роль трибуны.

Стоявший рядом трансформаторщик спокойно ответил через переводчика:

— Нам есть, чем гордиться, мы выполнили нашу пятилетку в 2 ½ года!

Леди Астор вежливо кивнула:

— Я понимаю. Но вы должны знать, что заграничные государства с меньшей скоростью двигаются вперед...

Тут кто-то задал леди Астор вопрос:

— А сколько у вас безработных?..

Отвлекая внимание на себя, Шоу взобрался на платформу и в ответ на саркастический вопрос одного из рабочих о том, как англий-

⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 8. Д. 500/Ан. (23313). Л. 15.

ским гостям нравится «принудительный» труд в Советском Союзе, выступил с пламенной речью так, что «переводчик еле успевал» за ним:

— У нас в Англии не мешает ввести такой «принудительный» труд, — сказал он под дружный хохот окружающих. — У нас два миллиона безработных. <...> То, что я увидел за эти дни здесь, в СССР, заставит меня агитировать среди английских рабочих, чтобы они последовали вашему примеру. <...> Как много молодости, как много энтузиазма, — возбужденно говорил он, садясь в автомобиль.

На память электрозаводцам Шоу оставил собственное наставление с неизменной долей самоиронии:

Мой отец слишком много пил.

Я слишком много работаю.

Товарищи, выполняйте пятилетний план в три года, а *потом* вам будет легче.

Г. БЕРНАРД ШОУ.

Москва, 23 июля 1931 г.⁹

Разумеется, что подобные случаи были не единичными. Так, на аудиенции со Сталиным (первоначально не предполагавшейся в плане визита Шоу) Нэнси Астор задавала советскому лидеру множество неудобных вопросов; согласно распространенному слуху, она в лицо бросила ему обвинение в том, что он убийца, однако на данный момент документов, содержащих верbatim аудиенции, не найдено, и что именно Нэнси сказала советскому вождю, наиболее точно можно восстановить лишь по воспоминаниям ее мужа¹⁰. Зато всеми участниками аудиенции был подтвержден и предан широкой огласке другой предмет разговора, заботивший Нэнси не меньше, чем репрессии: «Она сказала ему <Сталину>, что Советы не умеют обращаться с детьми. Сталин, убежденный в том, что Россия жертвует всем ради воспитания подрастающего поколения,

⁹ Шагалов И. Шоу у электрозаводцев // Вечерняя Москва. 1931. 24 июля. № 175. С. 1.

¹⁰ Согласно дневникам Уолдорфа Астора, Нэнси спросила Сталина, до каких пор он будет расправляться с политическими оппонентами, отправляя их в ссылки в Сибирь, на что Сталин ответил: «...до тех пор, пока это будет необходимо <государству>» — реплика, на которую сам Уолдорф отреагировал замечанием, что у советского вождя было примечательное чувство юмора. Подробнее см.: *Wilson B. Musical Chairs with Ribbentrop* // London Review of Books. 2012. 20 December.

неожиданно нахмурился и, не скрывая удивления и досады, показал рукой удар хлыста, воскликнув с чувством: «В Англии детей бьют!»» [2, с. 333]. (Действительно, если в России телесные наказания были полностью запрещены после революции 1917 г., то в британских государственных школах официальный запрет на их использование был введен лишь в 1986 г., а в частных — в 2003 г.) «Если бы там была вся Россия, вся Россия растерялась бы и прикусила язык, — продолжает рассказ Шоу. — Но попытка смутить леди Астор или заткнуть ей рот имела не больше шансов на успех, чем попытка мухи устоять против урагана. Пылкая и бесстрашная женщина заставила Кремль ходить ходуном. Он (Сталин) не знает, что говорит. Она (Нэнси Астор) за свои слова отвечает. Не зря же она в самом деле пестовала и финансировала экспериментальный лагерь сестер Макмиллан в Детфорде. <...> “Пришлите ко мне в Лондон женщину с головой, — приказала она Сталину, — пусть поучится, как надо обращаться с ... живыми пятилетками!”» [2, с. 333].

Нужно сказать, что Сталин не растерялся и попросил адрес леди Астор, чтобы направить к ней на обучение группу советских женщин. К великому удивлению аристократки, спустя некоторое время после их возвращения в Англию соответствующая группа действительно прибыла на стажировку. А вот во время официального приема в британском посольстве леди Астор совершенно обескуражила М.М. Литвинова, у всех на глазах опустившись перед ним на колени и умоляя его принять живое участие в судьбе некоей гражданки Крыниной — супруги переехавшего в Соединенный Штаты советского инженера Д.П. Крынина, который остался там на правах политического беженца и стал профессором Йельского университета, а при помощи заступничества знатных и влиятельных британских гостей рассчитывал вывезти жену из СССР.

Драматизма этой сцене придала обращенная к Литвинову речь леди Астор: «Я предстою перед Вами, как крестьянка перед царем. И как в былые времена, я передаю петицию вашему правительству на коленях. Смирненно прошу вас во имя человечности спасти эту страдающую семью» [18, р. 22].

Несмотря на выросту из этой эскапады бурную переписку между супругами Астор, А.Б. Халатовым и Литвиновым¹¹, положительного разрешения ситуация вокруг Крынина так и не получила. Напротив, шумиха, поднятая Асторами вокруг его жены, сделала ее легкой добычей для журналистов, а впоследствии след мадам

¹¹ См.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 75. Д. 36 (500/Ан. (25981 и 25984)). Л. 14–15; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 65–68.

Крыниной окончательно потерялся. Шоу же, описавший ситуацию в одном из подробных писем к супруге, сохранял нейтралитет в данном вопросе, с одной стороны, понимая заведомую безуспешность попыток частных граждан другого государства вмешаться во внутреннюю политику СССР, а с другой, считая реакцию Нэнси, принявшей ходатайство Крыниных близко к сердцу, чрезмерной, так как «голова ее полна мыслей об ужасах большевизма» [17, vol. 4, p. 251].

Сам же Шоу демонстрировал крайнее легкомыслие в отношении слухов, ходивших на Западе о деятельности ЧК, о чем свидетельствует его письмо супругу Нэнси, Уолдорфу Астору, написанное еще до отъезда из Англии:

Я сказал С[окольникову], что мы будем ждать салют по крайней мере из 101 ружья по прибытии в Москву и что, поскольку нам хочется увидеть застенки ЧК, ему следует предупредить их, что придется иметь наготове одну или две жертвы, чтобы мы смогли лицезреть процесс [пытки] [17, vol. 4, p. 104].

Разумеется, что данное требование Сокольников в донесениях начальству благоразумно опустил. Зато об остальных пожеланиях Шоу советское руководство было уведомлено, и они не остались без внимания. Об этом свидетельствует секретное письмо первого секретаря полпредства СССР в Великобритании С.Б. Кагана Крестинскому от 2 июля 1931 г.:

Бернард Шоу прислал т. Сокольникову письмо, в котором, между прочим, сообщает, что во время пребывания его в Москве ему исполнится 75 лет и в шутку добавляет, что он ждет салютов и т. д. В этих шутках сквозит некоторый намек на то, что он ждет чествования в той или иной форме, что вполне в его характере. Мы считали бы нужным, чтобы группе Бернарда Шоу было оказано внимание и максимальное содействие как в осмотре желательных для них объектов, так и облегчении переезда с места на место и обеспечении помещения в гостиницах. Кроме того, мы считали бы необходимым привлечь к этому делу наши литературные организации, чтобы они в той или иной форме отметили приезд Бернарда Шоу, и чтобы это нашло также отражение в нашей прессе, что будет для нас несомненно полезным¹².

¹² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 8. Д. 500/Ан. (23313). Л. 22.

В результате, несмотря на отдельные острые моменты, спровоцированные леди Астор, и то, что путешествие пришлось сократить по сравнению с исходным планом, предполагавшим также посещение Нижнего Новгорода и юга России¹³, в целом английская делегация во главе с Шоу получила множество впечатлений.

3.

Драматург увидел главные достопримечательностям Москвы и Ленинграда, с большим пиететом посетил мавзолей Ленина, прошел «несколько километров картин в Эрмитаже и присовокупленных к нему дворцов. Я до сих пор не восстановил силы после этого марафона по галереям» [17, vol. 4, p. 251]. В сопровождении А.В. Луначарского, К.Б. Радека и Арт. Халатова Шоу посетил ОГИЗ¹⁴, позавтракал в «Европейской» гостинице с виднейшими ленинградскими писателями (А. Толстым, М. Казаковым, М. Слонимским, Ю. Тыняновым, М. Зощенко, Вс. Вишневским и др.), записал речь для фильма о Ленине на студии «Союзкино», нанес визит Н.К. Крупской¹⁵, съездил в сельскохозяйственную коммуну имени Ленина в Кирсановском районе (где даже искупался в местной реке), посетил исправительное учреждение для малолетних преступников, посмотрел постановку своей трагедии «Святая Иоанна» в исполнении труппы Камерного театра под руководством А.Я. Таирова и специальный кинопоказ отрывков из лучших советских фильмов (включая вызвавший восхищение Шоу «Броненосец “Потемкин”») и, разумеется, с размахом отпраздновал свое 75-летие в Колонном зале Дома Союзов.

Все это время пожилой драматург практически не спал из-за жары (поездка была «испытанием на жароустойчивость даже для Вельзевула» [17, vol. 4, p. 251]) и еле успевал есть между ответами на вопросы и произнесением речей. Судя по всему, лавина вопросов и настойчивых просьб к живому классику сказать свое веское слово по любому аспекту советской жизни была спровоцирована тем же С. Каганом, который в упомянутом выше письме Крестинскому акцентировал внимание на их необходимости для поднятия престижа СССР в глазах Запада:

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ); основано в 1930 г.

¹⁵ Это была еще одна незапланированная аудиенция, которой Шоу добился настоятельными просьбами уже находясь в СССР.

Как вы знаете, Бернард Шоу неоднократно в своих выступлениях останавливался на вопросе об СССР и высмеивал отношение Англии и других стран к СССР, и не мешало бы, может быть, попросить его высказаться в нашей прессе, в форме ли интервью с ним или в другой, какую Вы найдете наиболее подходящей¹⁶.

В результате, как Шоу пишет жене, за весь многочасовой завтрак-обед с ленинградскими писателями «за исключением тарелки томатного супа, <появившейся> в последний момент, мне достался только кусок черного хлеба и сваренное вкрутую яйцо» [17, vol. 4, p. 251]. Жадное внимание прессы к Шоу доставляло неудобства не только самому драматургу, но и Константину Уманскому¹⁷, который выступал гидом-переводчиком Шоу в Москве и в то же время был исполняющим обязанности заведующего отделом печати НКВД.

Дело в том, что медийное освещение пребывания Шоу в СССР в целом и публикация его речи о Ленине, а также выступления в Доме Союзов стали причиной серьезного внутреннего конфликта между ТАСС и отделом печати НКВД.

В письме от 2 августа 1931 г. врид заведующего Иностранным отделом ТАСС Карл Гофман бросил отделу печати обвинение, что в их практике «имело место систематическое создание особо привилегированных и благоприятных условий для отдельных инкоров за счет ТАСС»¹⁸, и по пунктам изложил претензии:

1. Вопреки инструкциям, разосланным Отделом печати НКВД через ТАСС о том, что вся информация должна даваться исключительно после визирования ее в Отделе печати НКВД, Отдел печати не обеспечил своевременного визирования этих материалов для ТАСС'а, в то время как для инкоров эта виза была обеспечена своевременно. В результате этого, о факте прибытия Шоу ТАСС дал <сообщение> с опозданием на 4 часа против инкоров.

2. Информация о речи Шоу на торжественном заседании в Доме Союзов была задержана Отделом печати НКВД для ТАСС'а на 24 часа под предлогом правки стенограммы, между тем, как видно из сводки инкоров от 26-го, вечером т. Уманским были пропущены

¹⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 8. Д. 500/Ан. (23313). Л. 22.

¹⁷ Константин Александрович Уманский (1902–1945) — советский дипломат и журналист, в 1920-е гг. работавший преимущественно в РОСТА и ТАСС; в первой половине 1930-х гг. заведовал отделом печати и информации НКВД, после чего служил в советском полпредстве в США. В начале 1940-х гг. был чрезвычайным и полномочным послом СССР в США, Мексике и Коста-Рике.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 63 об.

телеграммы инкоров об этом выступлении тотчас же после выступления Шоу без всякой задержки. Узнав об этом, ТАСС послал в тот же вечер текст речи Шоу по имеющейся в распоряжении редакции стенограмме за границу с опозданием против инкоров около 3-х часов. Несмотря на это т. Уманский счел возможным на следующий день в крайне резкой форме обвинить одного из сотрудников исходящей редакции т. Курносова, выполнившего свой долг, в «краже» стенограммы.

3. Речь Шоу о Ленине была передана инкорами за границу раньше ТАСС, так как они получили эту речь от Отдела печати НКВД до получения ее ТАСС'ом.

4. Ни на один прием, организованный в честь Шоу, на которые приглашались иностранные корреспонденты, представители иностранного отдела ТАСС не были приглашены. В особенности это относится к приему, устроенному НКВД¹⁹.

В результате, как раздраженно заключает Гофман, прикрываясь принципом «равного доступа» в предоставлении информации журналистам ТАСС и иностранным корреспондентам, «Отдел печати фактически подрывает авторитет ТАСС'а как агентства вообще и срывает этим возможность продвижения через ТАСС сообщений, которые и Отдел печати считает политически важными»²⁰.

Насколько праведным был гнев Гофмана, судить сложно, так как незадолго до этого в 1929 г. его склонность к официальным жалобам уже поставила имя журналиста в центр скандала вокруг репортажа о европейском перелете советского самолета «Крылья Советов». Не попав на борт из-за ограниченного количества мест для представителей СМИ, Гофман заявил протест в присутствии советских и иностранных корреспондентов, который послужил поводом для развернутой дискуссии на страницах не только советской, но и зарубежной прессы. В результате, как установили историки советской журналистики, Гофман получил партийный выговор [1, с. 31].

Ответ Уманского на обвинения, выдвинутые Гофманом, по тону был жестким и не допускающим дальнейших пререканий. В нем указано, что речь Шоу о Ленине иностранные корреспонденты получили на 1 час позднее репортера ТАСС; никакого отдельного приема для Шоу НКВД не устраивал, а на прочие официальные мероприятия представителям прессы приглашения в принципе не рассылались.

¹⁹ Там же. Л. 63.

²⁰ Там же. Л. 64.

Исключением был упомянутый выше завтрак с ленинградскими писателями, куда индивидуальное приглашение получил руководитель ТАСС Я.Г. Долецкий. Того же Долецкого Уманский упоминает как лицо, признавшее бездействие репортеров ТАСС и приложившее усилия к его устранению. Что же касалось речи Шоу в Доме Союзов, то никакой задержки не было. Более того:

О том, что эта информация не была задержана, приходится только пожалеть, ибо, если бы ТАСС, в соответствии с нарушенным им в данном случае указанием об обязательном визировании всех телеграмм о Шоу Отделом печати, согласовал бы с последним информацию о речи Шоу, то Отдел печати принял бы все меры к тому, чтобы за границу была послана не невыправленная сырая стенограмма, как это к сожалению имело место, а стенограмма исправленная и по существу усиленная в просоветском смысле самим Шоу²¹.

Комментируя заявление Гофмана о протезировании отделом печати НКИД иностранных корреспондентов, Уманский подчеркивает, что отдел не только «точно придерживается установленного порядка обслуживания ТАСС и инкоров, всегда задерживает, по согласованию с ТАСС'ом в каждом отдельном случае, информацию, которая должна быть в первую очередь передана за границу по линии ТАСС'а», но, в отношении визита Шоу, еще «в порядке добровольного репортажа» снабжал ТАСС дополнительной информацией²².

Однако Гофман продолжил переписку, настаивая на справедливости своих претензий и привлекая в свидетели корреспондента «Associated Press» Ричардсона. Исход этого ведомственного противостояния был не столь важен — тем более, что Шоу уже покинул Советский Союз. Но Гофману, очевидно, хотелось, чтобы последнее слово осталось именно за ним. «Настоящим разъяснением мы считаем переписку по этому вопросу законченной», — сообщал он в НКИД после многодневной бюрократической перепалки²³.

4.

Тем временем для Уманского, как и всего Народного комиссариата иностранных дел, гораздо важнее было выиграть медийное противостояние на международном уровне, в связи с чем пресс-ат-

²¹ Там же. Л. 68.

²² Там же. Л. 68–68 об.

²³ Там же. Л. 71 об.

таше советского полпредства в Лондоне А.Ф. Нейман отслеживал все выступления Шоу и его спутников по возвращении в Великобританию. Из его отчета следует, что первое время леди Астор воздерживалась от публичных заявлений, в то время как ее супруг «хотя и осторожно, отзываясь положительно о “коммунистическом эксперименте”, однако настаивает на том, что коммунистические методы для Англии не применимы». Пятилетку Уолдорф Астор оценил как вполне жизнеспособный проект и подчеркивал, что «жизненным интересом Англии является получение советских заказов для сокращения безработицы. Астор заявил также, что чем скорее будет ликвидирована мысль о том, что коммунизм можно убить путем вторжения в Россию, тем лучше»²⁴. Из этого Нейман делал вывод, что визит в СССР способствовал изменению взглядов лорда Астора.

Что касалось маркиза Лотиена, то ключевой мыслью его интервью «News Chronicle» было то, что «“русский эксперимент” заключает в себе уроки, которыми Запад должен воспользоваться, но нужно найти метод использования этих уроков без нарушения принципа свободы»²⁵. Последний тезис кардинально отличал взгляд Лотиена от позиции Шоу и, по мнению Неймана, привлек к маркизу больше симпатий либеральной печати.

После ряда кратких интервью, данных Шоу представителям польских и немецких СМИ по пути домой, первым развернутым комментарием драматурга по поводу посещения Страны Советов стало выступление на летних курсах Независимой Рабочей партии, организованных Фабианским обществом. Полный текст речи так и не был зафиксирован ни одним печатным изданием, но известно, что доклад Шоу вызвал волну возмущения. Косвенно и очень отрывочно о его содержании можно судить по упомянутой выше «неформальной» биографии Нэнси Астор за авторством М. Коллиза, а также по дневниковым записям одной из старейших соратниц и друзей Шоу Беатрис Уэбб (1858–1943).

G.B.S. [Шоу] провел у нас две ночи и обратился со своей приятной и непринужденной речью о России к [участникам] Фабианской летней школы. Он был утомлен и взволнован своим визитом в Россию, увлеченный новизной и жестокостью (violence) произведенных изменений: вот великолепно и с большим размахом поставленная трагикомическая мелодрама. Это *должно быть*

---

²⁴ Там же. Л. 69.

²⁵ Там же.

правильно! <Главный> парадокс его речи: русская революция была чистым фабианством — Ленин и Сталин признали «*неизбежность постепенности*»! А еще они отказались от «рабочего контроля» в пользу концепции Уэббов о тройственном государстве, основанном на трех столпах — гражданах, потребителях и организации производителей. Что нельзя приписать влиянию Уэббов или Запада, так это объединение всех трех <столпов> под властью олигархии, состоящей из двух миллионов верующих в свое *кредо*, которые доминируют над населением в 120 миллионов равнодушных, лишенных энтузиазма или активно враждебно настроенных людей. В этом самая суть полемики между теми, кто одобряет и порицает Советскую Россию. Странно, что именно это господство некоего кредо кажется таким привлекательным для G.B.S.; будучи великим разрушителем существующих кодексов, доктрин и условностей, кажется, в преклонном возрасте он жаждет, чтобы какое-то кредо было *введено подобно закону* (enforced) с рождения и на всю жизнь всему населению»²⁶.

В письме к Уманскому Нейман пишет, что прилагает наиболее полный вариант фиксации доклада Шоу, но, к сожалению, в соответствующей архивной папке данный текст отсутствует. Тем не менее, в сопроводительном письме Нейман по памяти добавляет следующее:

Основное положение в докладе Шоу — то, что осуществление социализма в Советском Союзе методом диктатуры является правильным путем и именно тем путем, который придется применять в Англии, — встретило со стороны некоторых слушателей возражения и сомнения. В особенности обратило на себя внимание утверждение Шоу, что политика советского правительства является осуществлением политики фабианцев. Когда Шоу указали на противоречия между фабианской и большевистской точками зрения по вопросу о взятии власти, то он ответил, что противоречий-де нет, ибо и фабианцы никогда не отвергали насильственных методов в случае, если правящие классы не откажутся добровольно от своих привилегий... Несколько вопросов было задано Шоу насчет того, как он поведет себя в случае войны против СССР. Он ответил сначала, что вопрос не в том, как он, достаточно старый человек, будет себя

²⁶ Запись в дневнике от 8 августа 1931 г. в: Diary of Beatrice Webb. Typewritten Transcript: Vols. 43–45, 30 May 1929 – 25 December 1931. LSE Digital Library. P. 5151. URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:qux395wip> (дата обращения: 1.02.2024).

вести, но как поведут себя молодые, которые должны отдать себе отчет в том, что является их долгом, и выполнить этот долг, когда потребуется. Вернувшись в дальнейшем к тому же вопросу, Шоу заявил, что Советский Союз воспитывает молодежь в духе интернационализма, и воспитание в таком же духе английской молодежи сделало бы войны невозможными²⁷.

Наблюдавшая за выступлением Шоу Беатрис Уэбб понимала, что во многом его очарованность поездкой в СССР была обусловлена тем обстоятельством, что он постоянно «находился в центре внимания восхищенной толпы, окруженный исполненными уважения знаменитостями и хорошей прессой»²⁸; несмотря на легкое удивление увлеченностью своего друга коммунистическим «кредо», она не находила доклад Шоу избыточно провокативным и, напротив, наслаждалась той притягательностью, которая сквозила в его «внешности, голосе, подаче и жестике — взгляде на других людей — все это создавало образ Совершенного Старца, подлежащего восхищению толпы»²⁹. Однако, как свидетельствует отчет Неймана, реакция аудитории была далека от восхищения, а в официальной печати Совершенный Старец превратился в паяца:

В выступлениях некоторых курсантов Шоу подвергался очень строгому порицанию за то, что он де до сих пор занимался только шутками и балагурством и серьезное слово от него слышали впервые. Некоторые даже предъявили Шоу требование прекратить раз навсегда писать пьесы для буржуазии и пойти на рабочие собрания говорить об СССР. Шоу в ответ заявил, что пьесы будет по-прежнему писать, ибо думает, что этим он полезнее всего, а что касается требования писать в органе Независимой Рабочей партии «Нью Лидере», то он предпочитает продавать свои статьи Херсту, который обеспечивает ему большой тираж и, кроме того, по доллару за слово. <...>

Выступления Шоу и его спутников, в особенности выступления самого Шоу, вызвали обильные и в значительной части враждебные комментарии в печати. В особенности консервативная печать стремится дискредитировать заявление Шоу, обзывая его на все лады

²⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 69.

²⁸ Запись в дневнике от 4 августа 1931 г. в: *Diary of Beatrice Webb*. Typewritten Transcript: Vols. 43–45, 30 May 1929 – 25 December 1931. LSE Digital Library. P. 5149. URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:qux395wip> (дата обращения: 1.02.2024).

²⁹ *Ibid.* P. 5151.

шутом, паяцом и т. д. Это, однако, является прежде всего признаком того, что его выступление произвело сильное впечатление³⁰.

Действительно, выступления как самого Шоу, так и четы Астор в печати вызвали бурю противоречий в английском обществе³¹. Чтобы не допустить перевеса прокоммунистических настроений, 16 августа 1931 г. Уинстон Черчилль опубликовал разгромную статью в «Sunday Pictorial», употребив все свое красноречие для дискредитации любого положительного отклика, который приписывался вернувшейся из путешествия группе. Он указывал на двойственность позиции Шоу, который, будучи «богатым и корыстным капиталистом», в то же время умудряется быть искренне убежденным коммунистом и, заявляя о том, что «Россия — его духовная родина», с большим комфортом живет в Англии.

Обладая мягким, дружелюбным и гуманным нравом, он сочетает его с защитой и даже прославлением самых гнусных политических преступлений и жестокостей. Он позволяет себе все вольности безответственного болтуна <...> дразня и сбивая с толку любую аудиторию, к которой обращается, подвергая насмешкам и дискредитируя любую высшую цель, которую он когда-либо брался отстаивать [7, p. 170–171].

Не обошел Черчилль вниманием и леди Астор, назвав ее «двухголовым хамелеоном», старающимся усидеть на двух стульях, благосклонно «принимая гостеприимство и лесть коммунистов» и в то же время оставаясь консервативным членом британского парламента от Плимута [7, p. 171].

Подводя итог своим рассуждениям, британский премьер-министр нанес исполненный насмешки и презрения финальный удар и по русскому менталитету, и по наивности своих соотечественников.

Русские всегда любили странствующие балаганы и цирки, и вот <к ним прибыли> самый известный в мире клоун-интеллектуал и старый дуралей Панталоне в одном лице и очаровательная Коломбаина из капиталистической пантомимы. Итак, толпа зрителей

³⁰ АВП РФ. А. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 69–70.

³¹ Согласно отчету помощника заведующего Бюро печати в Лондоне Виноградова, даже публичные выступления Уэллса после визита Шоу и Астор в Москву «по тону были враждебны» в отношении СССР, где правит «автократический государственный русский капиталист». Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 127.

выстроена, тысячи людей снабжены красными шарфами и флагами, комиссар Литвинов, не обращая внимания на очереди за едой на задворках <парадного представления>, приготовил роскошный банкет, а архикомиссар Сталин, человек из стали, распахнул тщательно охраняемое святилище Кремля и, отложив в сторону свой утренний список смертных приговоров и *lettres de cachet* <писем с приказами о внесудебных арестах>, встречает своих гостей с улыбкой непридуманного товарищества [7, p. 171].

Отрывки из этой исполненной яда и горечи статьи вошли в сборник очерков Черчилля «Мои великие современники» (*Great Contemporaries*, 1937), где в более поздней редакции отдельные пассажи были сглажены, а какие-то места, напротив, дополнены и расширены, так что в итоговом виде очерк производил более спокойное впечатление, чем сжатый и весьма агрессивный оригинал. Тем не менее ни Колумбина-Астор, ни Панталоне-Шоу не восприняли выпад Черчилля как сколько-нибудь серьезную угрозу своему *renommée*, и каждый из них остался при своей позиции: Нэнси — спокойного скепсиса, а Шоу — воодушевленной надежды. В конце концов, как он сказал двухтысячной толпе на праздновании своего 75 дня рождения в Доме Союзов:

Идея всего путешествия в советскую Россию была не в том, чтобы я смог сказать англичанам что-то, чего до этого не знал, а в том, чтобы в тех случаях, когда они попрекнут меня: «Итак, вы считаете советскую Россию замечательной страной, но ведь вы лично никогда там не были, вы не видели всех ее ужасов», — теперь, после моего возвращения, я мог бы ответить: «Да, я видел все ее “ужасы”, и они мне ужасно понравились».

Возвращаясь в Англию, мы уносим с собой глубокие впечатления. Несмотря на все, что я только что сказал о моем знакомстве с происходящим в России, я не собираюсь утверждать, что даже самое лучшее знакомство понаслышке может сравниться с впечатлениями из первых рук, лицом к лицу с фактами. <...> Еще неделю тому назад мне было хорошо известен Луначарский по имени, а теперь он для меня живой человек. И в нем я нашел не только члена партии и коммуниста, но, помимо этого, то, что могут дать мне русские и только русские: я говорю об их способности понимать и ценить мои драматические произведения с такой глубиной и тонкостью, какой — должен признаться — я ни разу не встретил в Западной Европе. <...> Когда вы доведете свой эксперимент до триумфаль-

Бернард Шоу и леди Нэнси Астор в Москве, июль 1931

Посещение музея «Подпольная типография 1905–1906 гг.»

С. К. Радеком, А. Луначарским, Арт. Халатовым, Дж. Джерманетто, Л. Сейфуллиной, Б. Иллешем, А. Фадеевым (?), Вс. Ивановым, Вл. Лидиным, Вс. Мейерхольдом и др.

ного завершения — а я уверен, что вы это сделаете — тогда мы на Западе, мы, все еще просто играющие в социализм, должны будем последовать вашему примеру — хотим мы этого или нет [17, vol. 4, p. 257–258].

***

Таким образом, можно заключить, что несмотря на живой интерес Шоу к России, его визит в СССР был скорее спонтанным, нежели тщательно спланированным (однако его импровизационный характер вполне соответствовал жанру комедии дель арте, который приписал этой поездке Черчилль). То, что этот визит в принципе состоялся, и всем гостям, включая леди Астор, в срочном порядке были одобрены визы, не в малой степени обусловлено дружеским расположением к Шоу советского полпреда Григория Сокольникова, бывшего вхожим в дом драматурга, а также его ближайших друзей Беатрис и Сидни Уэббов. Близкое знакомство с Шоу, с одной стороны, и прекрасное понимание внутренних политических процессов в Англии, с другой, позволили Сокольникову настаивать на допуске Нэнси Астор в Советский Союз, и это в перспективе оказалось правильным решением. Внешне спокойная реакция советского руководства на провокативное поведение аристократки хоть и не смогла убедить ее в полной безгрешности большевиков, но по крайней мере внушила ей большую сдержанность в оценках по возвращении из СССР. Эта сдержанность имела двойственные последствия — она давала повод консерваторам обвинять ее в симпатиях к Советскому Союзу, но она же делала эти обвинения голословными. Поэтому в 1931 г. (в целом непростого времени для леди Нэнси из-за ареста ее сына Бобби) данная тактика в значительной мере позволила ей сохранить лицо. (Основной же причиной постепенного заката ее политической карьеры на рубеже 1930–1940-х гг. стала ее позиция по еврейскому вопросу накануне второй мировой войны.)

Что касается Шоу, его открытое восхищение Советским Союзом в целом и Сталиным в частности нанесло гораздо больший ущерб его репутации уже после смерти драматурга, нежели при жизни³².

³² Говорящее название имеет одна из последних монографий, посвященных драматургу, — «Judging Shaw: The Radicalism of GBS» (что можно перевести как «Суд над Шоу: Радикализм GBS») Ф. О'Тулла (2017). Характерно и название полемической статьи Дж.К. Неструк «Was George Bernard Shaw a Monster?» («Были ли Джордж Бернард Шоу монстром?»), опубликованной в «The Globe and Mail» в 2011 г. (URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/theatre-and-performance/was-george-bernard-shaw-a-monster/article585209/>) (дата обращения: 01.02.2024).

Тем более что шедшие вразрез с официальной пропагандой тезисы о советской утопии вполне соответствовали созданному им самим амплу парадоксалиста и разрушителя консервативных устоев, о котором упоминает Беатрис Уэбб в приведенном выше отрывке из дневника. Это амплу, равно как и почтенный возраст драматурга служили «буфером» между ним и враждебно настроенными оппонентами, и даже поставленное Черчиллем клеймо паяца не могло в одночасье сбросить Шоу с созданного им пьедестала, так как в основе его лежало как раз шутовство и балагурство. Более того, как известно, нелицеприятные для Великобритании сопоставления с Советским Союзом были инструментом, к которому Шоу прибегал в пьесах 1930-х гг. не с целью пропаганды коммунизма, но в стремлении спровоцировать изменения к лучшему внутри своей страны. Таковы пьесы «На мели», «Горько, но правда», «Простачок с Нежданных островов», «Женева», «Миллионерша» — все они с той или иной стороны критикуют консерватизм и апатию, бездействие и бессовестность, трусость и недостойное поведение, отсутствие изобретательности и стремления к самосовершенствованию, которые Шоу наблюдал среди своих соотечественников в предвоенное время и которым он противопоставлял инициативность, деятельность, самоуважение и стремление к новым высотам, воплощенные в персонажах, напрямую или косвенно имевших отношение к Стране Советов, превращавшуюся в некую землю обетованную.

Как показывает последняя приведенная нами цитата, Шоу важно было не только и не столько то, что культурная программа его визита в Москву и Ленинград была максимально насыщенной, что практически любое его желание немедленно исполнялось, что на каждом шагу он был обласкан вниманием прессы или что в его честь устроили грандиозное торжество, льстившее его самолюбию, но велика была роль личного примера людей — в первую очередь, культурных деятелей, с которыми ему довелось свести знакомство, чьи и без того известные имена обрели для него плоть, кровь и уникальный характер, который он, как драматург, не мог не оценить.

Литература

1. *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории журналистики конца 1920-х – начала 1930-х гг.: показания А.Н. Гарри // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология.* 2017. № 7 (28). С. 18–35.
2. *Пирсон Х. Бернард Шоу* / пер. В. Харитоновой и М. Марецкой. М.: Искусство, 1951. 447 с.
3. *Уэллс Г.Дж.* Россия во мгле / пер. В.А. Хинкиса. М.: Агентство ФТМ, 2021. 360 с.
4. *Хьюз Э. Бернард Шоу* / пер. Б. Носика. М.: Молодая гвардия, 1966. 287 с.
5. *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма: сборник / пер., сост. А. Образцовой и Ю. Фридштейна. М.: Радуга, 1989. 496 с.
6. *Caute D.* The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism. New Haven; London: Yale UP, 1988. 458 p.
7. *Collis M.* Nancy Astor: An Informal Biography. London: Faber and Faber, cop. 1960. 235 p.
8. *Ervine St.J.* Bernard Shaw: His Life, Work and Friends. London: Constable and Company Limited, 1956. 628 p.
9. *Evans T.F.* Myopia or Utopia? Shaw in Russia // *Shaw.* 1985. Vol. 5. P. 125–45.
10. *Fabian Essays.* London: Allen and Unwin, 1962. 322 p.
11. *Gibbs A.M.* Bernard Shaw: A Life. Gainesville, Florida: Florida UP, 2005. 576 p.
12. *Hollander P.* Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978. Oxford: Oxford UP, 1981. 524 p.
13. *Holroyd M.* Bernard Shaw: in 4 vols. London: Penguin, 1993.
14. *Hummert P.A.* Bernard Shaw's Marxist Utopias // *The Shaw Review.* 1959. Vol. 2, № 9. P. 7–26.
15. *Lane D.* Perceptions of the Russian October Revolution in the Great Britain / *Sociology Research* // University of Cambridge. 6 Oct. 2017. URL: <https://research.sociology.cam.ac.uk/news/perceptions-russian-october-revolution-great-britain> (дата обращения: 27.01.2024).
16. *Pearson H.* George Bernard Shaw: A Full Length Portrait. New York: Harper & Brothers, 1942. 390 p.
17. *Shaw B.* Collected Letters: in 4 vols. / ed. by Dan H. Lawrence. New York: Dodd, Mead & Company, 1965–1988.
18. *Shaw B.* The Rationalization of Russia / ed. with an introd. by Harry M. Geduld. Bloomington: Indiana UP, 1964. 134 p.
19. *Soboleva O., Wrenn A.* The Only Hope of the World: George Bernard Shaw and Russia. Oxford; Bern; New York: Peter Lang, 2012. 231 p. <https://doi.org/10.3726/978-3-0353-0331-5>
20. *Wisenthal J.L.* Shaw's Utopias // *Shaw.* 1997. Vol. 17. P. 53–64.
21. *Yde M.* Abiding Love: Shaw and Russia // *Shaw.* 2013. Vol. 33, № 1. P. 220–23.

“Pantaloen” and “Columbine” in the Land of the Soviets: Bernard Shaw and Nancy Astor’s Visit to the USSR in 1931

© 2024. Yulia A. Skalnaya

Lomonosov Moscow State University,

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century” (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>).

Abstract: The research is dedicated to the well-known visit of the Irish dramatist Bernard Shaw and the British MP Lady Nancy Astor to the USSR in 1931. However, it seeks to avoid the format of a clichéd observation of commonly known facts concerning their stay in the Land of the Soviets and aims to concentrate on previously unknown circumstances of the preparation of that trip organised by representatives of the People’s Commissariat for Foreign Affairs and diplomats of the Soviet Embassy in London, on the one hand, and the media struggle evoked by that visit within the Soviet and the British press. The novelty of the research is provided by the use of numerous archival documents (AVP RF, RGALI) as well as quoting Bernard Shaw’s private correspondence and his friend Beatrice Webb’s diaries that have not been translated into Russian. The methodological foundation of this article is built upon the biographical and cultural-historic approaches; it also employs narrative techniques in recreating the historical background of Shaw’s visit, and content analysis in commenting on the media publications, and methods of archival research *per se*. Having considered the abovementioned documents, one can conclude that despite Shaw’s avid interest in Russia, his visit there was to a large extent spontaneous, which, together with Nancy Astor’s unpredictable escapades, caused considerable difficulties to the Soviet officials. Nevertheless, the variety of experiences offered to the British guests as well as the satisfaction of both reasonable and whimsical requests made by the dramatist managed to produce a favourable impression on the company and lead to Shaw’s companions giving generally positive feedback of the trip to the USSR whereas Shaw himself exalted in rave reviews. As a result, the victory scored by the Soviet soft power instigated a deluge of publications in the British media that aimed to discredit Shaw and Lady Astor as central figures of the trip. However, it cannot be said that those angry and even harsh commentaries caused any serious damage to their reputation or influenced their opinions of the USSR at the time.

Keywords: Bernard Shaw, Nancy Astor, Western-Soviet literary and cultural contacts, People’s Commissariat for Foreign Affairs, M.M. Litvinov’s Secretariat, media war.

Information about the author: Yulia A. Skalnaya, PhD in Philology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory GSP-1, bld. 13A, 119991, Moscow, Russia; Associate Professor, Military University of the Ministry

of Defense of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya St., 14, 123001, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6330-6793>

E-mail: julycat@mail.ru

For citation: Skalnaya, Yu.A. “‘Pantaloon’ and ‘Columbine’ in the Land of the Soviets: Bernard Shaw and Nancy Astor’s Visit to the USSR in 1931.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 292–319. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-292-319>

References

1. Kiianskaia, O.I., and D.M. Fel’dman. “Iz istorii zhurnalistiki kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh gg.: pokazaniia A.N. Garri” [“Excerpts from the History of Journalism at the Turn of the 1920s – 1930s: A.N. Garri’s Testimonies”]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul’turologiia*, no. 7 (28), 2017, pp. 18–35. (In Russ.)
2. Pirson, Kh. *Bernard Shou* [*Bernard Shaw*], trans. by V. Kharitonov and M. Maretskaia. Moscow, Iskusstvo Publ., 1951. 447 p. (In Russ.)
3. Uells, G.Dzh. *Rossiia vo mgle* [*Russia in the Shadows*], trans. by V.A. Khinkis. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2021. 360 p. (In Russ.)
4. Kh’iuz, E. *Bernard Shou* [*Bernard Shaw*], trans. by B. Nosik. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1966. 287 p. (In Russ.)
5. Shou, B. *Avtobiograficheskie zametki. Stat’i. Pis’ma: sbornik* [*Autobiographical Notes. Articles. Letters: A Compilation*], trans. and comp. by A. Obraztsova and Iu. Fridshtein. Moscow, Raduga Publ., 1989. 496 p. (In Russ.)
6. Caute, David. *The Fellow-Travelers: Intellectual Friends of Communism*. New Haven, London, Yale UP, 1988. 458 p. (In English)
7. Collis, Maurice. *Nancy Astor: An Informal Biography*. London, Faber and Faber, cop. 1960. 235 p. (In English)
8. Ervine, St. John. *Bernard Shaw: His Life, Work and Friends*. London, Constable and Company Limited, 1956. 628 p. (In English)
9. Evans, Tom F. “Myopia or Utopia? Shaw in Russia.” *Shaw*, vol. 5, 1985, pp. 125–45. (In English)
10. *Fabian Essays*. London, Allen and Unwin, 1962. 322 p. (In English)
11. Gibbs, Anthony Matthews. *Bernard Shaw: A Life*. Gainesville, Florida, Florida UP, 2005. 576 p. (In English)
12. Hollander, Paul. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978*. Oxford, Oxford UP, 1981. 524 p. (In English)
13. Holroyd, Michael. *Bernard Shaw: in 4 vols*. London, Penguin, 1993. (In English)
14. Hummert, Paul A. “Bernard Shaw’s Marxist Utopias.” *The Shaw Review*, vol. 2, no. 9, 1959, pp. 7–26. (In English)
15. Lane, David. “Perceptions of the Russian October Revolution in the Great Britain.” *Sociology Research. University of Cambridge*, 6 October 2017. Available at: <https://research>.

sociology.cam.ac.uk/news/perceptions-russian-october-revolution-great-britain (Accessed 27 January 2024). (In English)

16. Pearson, Hesketh. *George Bernard Shaw: A Full Length Portrait*. New York, Harper & Brothers, 1942. 390 p. (In English)

17. Shaw, Bernard. *Collected Letters: in 4 vols.*, ed. by Dan H. Lawrence. New York, Dodd, Mead & Company, 1965–1988. (In English)

18. Shaw, Bernard. *The Rationalization of Russia*, ed. with an introd. by Harry M. Geduld. Bloomington, Indiana UP, 1964. 134 p. (In English)

19. Soboleva, Olga; Wrenn, Angus. *The Only Hope of the World: George Bernard Shaw and Russia*. Oxford, Bern, New York, Peter Lang, 2012. 231 p. <https://doi.org/10.3726/978-3-0353-0331-5> (In English)

20. Wisenthal, Jonathan L. “Shaw’s Utopias.” *Shaw*, vol. 17, 1997, pp. 53–64. (In English)

21. Yde, Matthew. “Abiding Love: Shaw and Russia.” *Shaw*, vol. 33, no. 1, 2013, pp. 220–23. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.02.2024
Одобрена после рецензирования: 18.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 01.02.2024
Approved after reviewing: 18.05.2024
Date of publication: 25.06.2024